

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ГЕНИЙ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Гений

Аннотация

«Все в городе знали старого громадного еврея с длинными, всклокоченными, как львиная грива, волосами, с бородой, которая от старости была желта, как слоновая кость...»

Содержание

I	5
II	6
III	8
IV	10
V	11

Николай Гарин- Михайловский Гений

1

---

¹ В основание рассказа взят истинный факт, сообщённый автору М. Ю. Гольдштейном. Фамилия еврея – Пастернак. Автор сам помнит этого еврея. Подлинная рукопись еврея у кого-то в Одессе.

I

Все в городе знали старого громадного еврея с длинными, всклокоченными, как львиная грива, волосами, с бородой, которая от старости была желта, как слоновая кость.

Он ходил в лапсердаке, в стоптанных туфлях и только тем разве и отличался от остальных евреев, что смотрел своими громадными на выкате глазами не вниз, как, говорят, смотрят все евреи, а куда-то вверх.

Проходили годы, поколения сменялись поколениями; неслись с грохотом экипажи; озабоченной вереницей торопились мимо прохожие, мальчишки, смеясь, бежали, – а старый еврей, торжественный и безучастный, всё также двигался по улицам с устремлённым взглядом туда вверх, точно он видел там то, чего другие не видели.

II

Единственный человек в городе, которого старый еврей удостоивал своего внимания, был учитель математики одной из гимназий.

Каждый раз, заметив его, старый еврей останавливался и долго, внимательно смотрел ему вслед. Может быть, и учитель математики замечал старого еврея, а, может быть, и нет, потому что это был настоящий математик, – рассеянный, маленький, с физиономией обезьяны, который ничего, кроме своей математики, не знал, не видел и знать не хотел. Засунуть в карман, вместо платка, губку, которою вытирают доску; явиться на урок без сюртука, – стало для него настолько обычным делом, а глумление учеников дошло до таких размеров, что учитель, наконец, вынужден был оставить преподавание в гимназии.

С тех пор он весь отдался своей науке и выходил из дома только для того, чтобы пообедать в кухмистерской. Жил он в своём собственном, доставшемся ему от отца, большом доме, сверху до низу набитом квартирантами. Но почти никто из квартирантов ничего не платил ему, потому что всё это был неимущий, бедный люд.

Дом был грязный, многоэтажный. Но грязнее всего дома была квартира из двух комнат в подвальном этаже самого учителя, вся заваленная книгами, исписанной бумагой, с та-

ким толстым слоем пыли на них, что если бы поднять её всю в раз, то, пожалуй, можно было бы и задохнуться.

Но ни учителю, ни старому коту, другому обитателю этой квартиры, никогда и в голову не приходила такая мысль: учитель неподвижно сидел за своим столом и писал выкладки, а кот без просыпу спал, свернувшись клубком на подоконнике с железными решётками.

Пробуждался он только к обеду, когда наступало время встречать учителя из кухмистерской. И он встречал его улицы за две – старый, облезлый. Долгим опытом кот знал, что из тридцатикопеечного обеда полпорции отрезались для него, завёртывались в бумагу и выдавались ему, когда он возвратится домой. И, предвкушая наслаждение, кот с высоко поднятым хвостом, изогнутой спиной, весь в клочках слезавшейся шерсти, шагал по улицам впереди своего хозяина.

III

Дверь в квартиру учителя отворилась однажды и в неё вошёл старый еврей.

Старый еврей, не спеша, вынул из-за жилетки грязную, толстую, всю исписанную по-еврейски, тетрадь и передал её математику.

Математик взял тетрадь, повертел её в руках, задал несколько вопросов, но старый еврей, очень плохо говоривший по-русски, почти ничего не понял, но математик понял, что в тетради речь идёт о какой-то математике. Понял, заинтересовался и, найдя переводчика, занялся изучением рукописи. Результат этого изучения был необычный.

Через месяц еврей был приглашён в местный университет в отделение математического факультета.

В зале заседали математики всего университета, всего города, заседал и старый еврей, такой же безучастный, со взглядом вверх, и через переводчика давал свои ответы.

– Сомнения нет, – сказал еврею председатель, – вы действительно сделали величайшее из всех в мире открытий: вы открыли дифференциальное исчисление... Но, к несчастью для вас, Ньютон уже открыл его двести лет назад. Тем не менее ваш метод совершенно самостоятельный, отличный и от Ньютона и от Лейбница.

Когда ему перевели, старый еврей спросил хриплым голо-

сом:

- Его сочинения написаны на еврейском языке?
- Нет, только на латинском, – ответили ему.

IV

Старый еврей пришёл через несколько дней к математику и кое-как объяснил ему, что желал бы учиться математике и латинскому языку. В числе квартирантов учителя нашлись и студент-филолог и студент-математик, которые за квартиру согласились учить еврея, – один латинскому языку, другой – основам высшей математики.

Старый еврей ежедневно с учебниками приходил, брал уроки и уходил учить их на дом. Там, в самой грязной части города, по тёмной, вонючей лестнице взбирался он среди коростливых детей на свой чердак, пожертвованный ему еврейским обществом, и в сырой, грибами поросшей конуре, присев у единственного окна, учил заданное.

Теперь, в часы отдыха, старый еврей, на вящую потеху ребятишек, часто шагал рядом с другим уродом города – маленьким, с лицом обезьяны, учителем. Молча шли они, молча расставались, и только на прощание пожимали руку другу другу.

V

Прошли три года: старый еврей мог уже прочитать в подлиннике Ньютона. Он прочёл его раз, другой, третий. Сомнения не было. Он действительно, он, старый еврей, открыл дифференциальное исчисление. И действительно, оно было уже открыто 200 лет тому назад величайшим гением земли. Он закрыл книгу и всё было кончено. Всё было доказано. Это знал он один. Чуждый волновавшейся вокруг него жизни, ходил старый еврей по улицам города с бесконечной пустотой в душе.

Застывшим взглядом он смотрел на небо и видел там то, чего другие не видели: величайшего гения земли, который мог бы подарить мир новыми величайшими открытиями и который пригодится только для того, чтобы быть посмешищем и забавой детей.

Однажды нашли старого еврея мёртвым в его конуре. В застывшей позе, он как изваяние лежал, облокотившись на руки. Густые пряди цвета пожелтевшей слоновой кости волос рассыпались по лицу и плечам. Глаза его смотрели в раскрытую книгу и, казалось, после смерти ещё читали её.